

Эйлин О'Коннор

Эйлин О'Коннор

**О ЛЕБЕДИНЫХ КРЫЛЬЯХ,
КОТАХ И ЧУДЕСАХ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-42
О-11

Серия
«Елена Михалкова: Проект “Записки на полях”»

Дизайнер *Виктория Лебедева*

Художник *Екатерина Белявская*

О’Коннор, Эйлин

О-11   О лебединых крыльях, котках и чудесах: [авторский сборник] / Эйлин О’Коннор. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Елена Михалкова: Проект «Записки на полях»).

ISBN 978-5-17-105738-1

Там, где горят алые лепестки, где ходит по свету одинокий человек с лебединым крылом, где жизнь мудрее и бесстыднее вымысла, рождаются маленькие истории. Отражение нашей повседневности, смешные и печальные, они — о нас с вами и о тех, кто делает реальность чуть более волшебной, чем она есть на самом деле.

«Записки на полях» Эйлин О’Коннор — это авторский проект Елены Михалковой, основанный на публикациях в «Живом Журнале» и «Фейсбуке», где у автора в совокупности более 60 000 подписчиков.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-42

ISBN 978-5-17-105738-1

© Михалкова Е., 2017
©ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В социальной сети «Твиттер» есть аккаунт, который ведется от имени камня в лесу. Каждый день в нем появляется одна и та же запись: «Сегодня ничего не произошло».

Каждое утро я выгуливаю своего пса. Есть счастливицы, которые шагают по берегу океана, есть те, кто бегают в парке или бродит вдоль озер. Мы же с пуделем идем до помойки и обратно: так получилось, что это самый удобный маршрут во всем квартале. Мусорный бак — наш океанский берег, и надо сказать, отлив еще ни разу не подводил. Нет, я не городская сумасшедшая, роющаяся в отходах. Мы всего лишь наблюдаем людей, спешащих на работу, ворон, растаскивающих мусор, безобидных пьянчужек, школьников, старушек, собак и их владельцев, домашних кошек и диких голубей — волна за волной, волна за волной. Каждый утренний

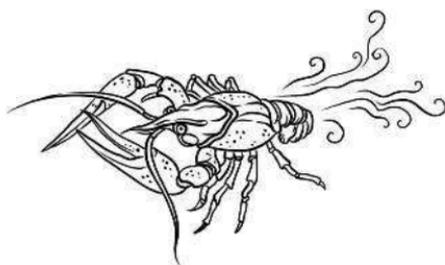
Дилли О'Коннор

отлив оставляет на воображаемом побережье новые цветные стеклышки впечатлений.

Будь я камнем в лесу, в моем лесном мире постоянно бы что-то происходило. Букашки воевали бы с козявками, муравьи отстраивали новые кварталы, яростно выдирались бы из мха сыроежки, дождь смывал бы с их шляпок негодующих гусениц, а дрозды выясняли бы надо мной отношения: огромная, кипучая, смешная, нелепая и абсурдная жизнь происходила бы вокруг, как происходит она повсюду каждый миг.

Эта книга — продолжение вышедших год назад заметок из моего блога, собранных под одной обложкой. Почти каждый день я записываю что-то о маленькой повседневности, окружающей меня, — это мой способ фотографировать жизнь, поскольку фотоаппаратом у меня получается хуже, чем словами. В ней остались люди, коты и собаки и появилась глава «Как все было на самом деле»: о старых сказках, из которых прорастают новые.

Надеюсь, вторая книга понравится читателю так же, как и первая.

ГОРОДСКИЕ ПИСЬМА

ЧЕРВЯКИ

У меня есть привычка: я убираю с дороги червяков. По разным причинам, в том числе из симпатии к этим безобидным существам, но в первую очередь — руководствуясь эстетическими соображениями. Раздавленный червяк оскорбляет мой художественный вкус. Он лежит синюшный, обезображенный ботинком сорок третьего размера, и некогда упругое тело его безжизненно свисает с бордюра.

В то время как червяк живой, атласный, гибкий, как балерина, и отливающий павлиньей синевой — так вот, повторяю, упитанный цветущий червяк ласкает взор и внушает веру в будущее. Землю разрыхлят тысячи молчаливых кольчатых тружеников, зерна прорастут, ростки заколосятся, и даровано будет людям вдоволь пшеницы и овса, — вот о чем безмолвно вещает мне червяк, встретившийся на дороге.

Эллис О'Коннор

Однажды случилось так, что я возвращалась летним вечером из гостей, злоупотребив хозяйской настойкой (в свое оправдание могу сказать, что это была настойка на молодых почках черной смородины — лучшее, что придумало человечество после пленки с пузырьками). Незадолго до этого прошел дождь, и на тротуар перед домом повыползали червяки.

Представьте: поздний вечер, лужи, фонари, сирень бушует в палисаднике и ломится через забор, а на асфальте десятки обреченных существ скручиваются колечками и знать не знают о том, что завтрашний день принесет им гибель.

Этого нельзя было допустить.

Я вернулась к углу дома, где высадил меня таксист, и проделала путь до подъезда заново. Через каждые два шага я наклонялась, поднимала червяков и бросала в палисадник. Один страдалец за другим отправлялся к долгой жизни, к новым свершениям, символизируя собой победу добра над бездушной поступью судьбы.

Когда последний червяк перелетел над оградой, я поняла, что миссия моя завершена.

Гуманизм восторжествовал.

Следующее утро выдалось не самым лучезарным из тех, что мне довелось прожить. Положение мое усугублялось тем, что я должна была отвести ребенка на утренник.

О ЛЕБЕДИНЫХ КРЫЛЬЯХ, КОТАХ И ЧУДЕСАХ

Я встала. Собрала дитя, стараясь не делать резких движений. Вышла на улицу и возле первой же чахлой сирени встала в оцепенении.

На кусте висел червяк.

Ребенок сказал что-то вроде «ой,дохлый червячок, как же он сюда попал». У меня была догадка, как он сюда попал, но я молча пошла дальше.

Через несколько шагов опасения мои подтвердились.

Вдоль всего палисадника рос низкий стриженный кустарник, что-то вроде живой изгороди по пояс высотой. Накануне под воздействием выпитого рука моя описывала широкий полукруг. Точно сеятель, разбрасывающий облигации государственного займа, я щедро расшвыривала червей. До земли долетела в лучшем случае треть, а остальные встретили свой конец на ветвях этого куста.

Путь до угла дома, который накануне я проделала, веселясь и танцуя, в то утро превратился в персональную выставку жертв моего гуманизма. Даже на человека с менее развитым воображением трупы червей на высоте метра от земли могли произвести странное впечатление. Что уж говорить обо мне, виновнице этого адского перформанса. Складывалось ощущение, что чья-то злая воля покарала невинных существ. Как будто здесь прошёл озверевший рыбак-неудачник, или обезумев-

Дилли О'Коннор

ший гельминтолог, дико хохоча, бежал, сверкая зубами в свете фонарей.

Вот с тех самых пор, когда мне говорят, что гуманизм опять восторжествовал — на конкретной улице, в конкретном районе или в конкретном городе, — я сразу начинаю думать, что неплохо бы дождаться завтрашнего дня. Потому что кроме явных последствий есть еще скрытые, и хотя это довольно очевидная мысль, многим она не приходит в голову, пока с ними не случаются червяки.

Кроме того, после этого случая я внезапно начала замечать увлечённых людей, совершающих добрые дела примерно с таким же, как у меня, результатом.

Только в отличие от меня, без оправдания в виде настойки из молодых почек черной смородины.

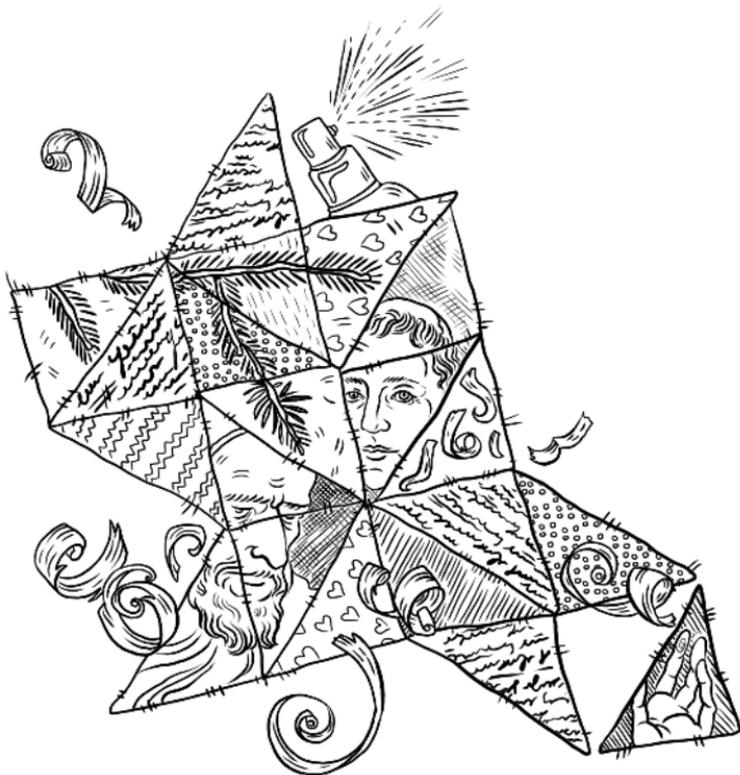
ПЭЧВОРК

Елка осыпается при каждом неосторожном движении, стеклянно шелестят сухие иголки, и остается короткая голая веточка, похожая на руку ребенка без варежки, высунувшуюся из слишком широкого зеленого рукава. Каждый раз думаю глупую мысль, что она мерзнет.

В магазине попросила брызнуть мне на запястье духами «Сад после дождя». Вместо ожидаемых мокрых цветов и влажных листьев уловила какой-то столярный запах, крайне далекий от дождей и палисадников. Девушка-консультант посмотрела на флакон и ойкнула. «Простите, — говорит, — я вам случайно нанесла другой парфюм. “Опилки”».

Я начала смеяться. Не то чтобы я везде искала символизм... (эту фразу следует выбить на моем гербе). Опилки вместо дождя. Разумеется.

Эллис О'Коннор

— Можем перекрыть, — виновато говорит девушка. — Все наши духи сочетаются друг с другом. Давайте я вам сверху «Садом» побрызгаю.

В итоге ожидаемо получился «Сад, спиленный после дождя». Пах невыплаченной ипотекой.

ЯНВАРЬ

Дни внутри зимних праздников просторные, как музейные комнаты, и в них толпятся гости, лыжи, дети, собаки... В уголке за шкафом спряталось притихшее чувство долга. Комкает в руке список: выгулять детей, посетить выставку, больше времени проводить на свежем воздухе, не обжираться. Вот откуда это подспудное ощущение вины, приобретающее странные формы проявления. Мужчина на кассе, поймав мой взгляд, брошенный на три крошечных творожных сырка, неожиданно оправдался:

— Это я не себе!

А я уж было нафантазировала бог знает что. Сырковый угар, глазированный кутеж, чувственное безумие творога. Но увы, увы — все это не ему, а кому-то другому: дерзкому, презиращему условности, быть может, даже бреющемся опасной бритвой.